

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Безногий и слепой богатыри

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; у них был сын Иван-царевич, а смотреть-глядеть за царевичем приставлен был Катома-дядька дубовая шапка. Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают:

— Когда мы погрём, ты во всём слушайся и почитай Катому-дядьку дубовую шапку; станешь слушаться — счастлив будешь, а захочешь быть ослушником — пропадёшь как муха.

На другой день царь с царицею померли; Иван-царевич похоронил родителей и стал жить по их наказу: что ни делает, обо всём с дядькой совет держит. Долго ли, коротко ли — дошёл царевич до совершенных лет и надумал жениться; приходит к дядьке и говорит ему:

— Катома-дядька дубовая шапка! Скучно мне одному, хочу ожениться.

– Что же, царевич! За чем дело стало? Лета твои таковы, что пора и о невесте думать; поди в большую палату – там всех царевен, всех королевен портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся.

□Иван-царевич пошёл в большую палату, начал пересматривать портреты, и пришлась ему по мысли королева Анна Прекрасная – такая красавица, какой во всём свете другой нет! На её портрете подписано: коли кто задаст ей загадку, а королева не отгадает, за того пойдёт она замуж; а чью загадку отгадает, с того голова долой. Иван-царевич прочитал эту подпись, раскручинился и идёт к своему дядьке.

– Был я, – говорит, – в большой палате, высмотрел себе невесту Анну Прекрасную; только не ведаю, можно ли её высватать?

– Да, царевич! Трудно её достать; коли один поедешь – ни за что не высватаешь, а возьми меня с собой да будешь делать, как я скажу, – может, дело и уладится.

Иван-царевич просит Катому-дядьку дубовую шапку ехать с ним вместе и даёт ему верное слово слушаться его и в горе и в радости.

□Вот собрались они в путь-дорогу и поехали сватать Анну Прекрасную королеву. Едут они год, и другой, и третий, и заехали за много земель. Говорит Иван-царевич:

– Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны Прекрасной королевы, а не знаем, какую загадку загадывать.

– Ещё успеем выдумать!

Едут дальше; Катому-дядька дубовая шапка глянул на дорогу – на дороге лежит кошелёк с деньгами; сейчас его поднял, высыпал оттуда все деньги в свой кошелёк и говорит:

– Вот тебе и загадка, Иван-царевич! Как приедешь к королеве, загадай ей такими словами: ехали-де мы путём-дорогою, увидели: на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в своё добро

положили! Эту загадку ей в жизнь не разгадать; а всякую другую сейчас узнает – только взглянет в свою волшебную книгу; а как узнает, то и велит отрубить тебе голову.

□Вот, наконец, приехал Иван-царевич с дядькою к высокому дворцу, где проживала прекрасная королева; в ту пору-времечко была она на балконе, увидала приезжих и послала узнать: откуда они и зачем прибыли? Отвечает Иван-царевич:

– Приехал я из такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну.

Доложили о том королевно; она приказала, чтобы царевич во дворец шёл да при всех её думных князьях и боярах загадку загадывал.

– У меня, – молвила, – такой завет положен: если не отгадаю чьей загадки, за того мне идти замуж, а чью отгадаю – того злой смерти предать!

– Слушай, прекрасная королева, мою загадку, – говорит Иван-царевич, – ехали мы путём-дорогою, увидали – на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в добро положили.

Анна Прекрасная королева берёт свою волшебную книгу, начала её пересматривать, да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась.

□Тут думные князья и бояре присудили королевно выходить замуж за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а делать нечего – стала готовиться к свадьбе. Думает сама с собой королева: как бы время протянуть да жениха отбыть? И вздумала – утрудить его великими службами. Призывает она Ивана-царевича и говорит ему:

– Милый мой Иван-царевич, муж наречённый! Надо нам к свадьбе изготовиться; сослужи-ка мне службу невеликую: в моём королевстве на таком-то месте стоит большой чугунный столб; перетащи его в дворцовую кухню и сруби в мелкие поленья – повару на дрова.

– Помилуй, королевна! Нешто я приехал сюда дрова рубить? Моё ли это дело! На то у меня слуга есть: Катома-дядька дубовая шапка.

Сейчас призывает царевич дядьку и приказывает ему притащить в кухню чугунный столб и срубить его в мелкие поленья повару на дрова. Катома-дядька пошёл на сказанное место, схватил столб в охапку, принёс в дворцовую кухню и разбил на мелкие части; четыре чугунных полена взял себе в карман – «для переды годится!»

□На другой день говорит королевна Ивану-царевичу:

– Милый мой царевич, наречённый муж! Завтра нам к венцу ехать: я поеду в коляске, а ты верхом на богатырском жеребце; надобно тебе загодя объездить того коня.

– Стану я сам объезжать коня! На то у меня слуга есть.

Призывает Иван-царевич Катому-дядьку дубовую шапку.

– Ступай, – говорит, – на конюшню, вели конюхам вывести богатырского жеребца, сядь на него и объезди; завтра я на нём к венцу поеду.

Катома-дядька смекнул хитрости королевны, не стал долго разговаривать, пошёл на конюшню и велел конюхам вывести богатырского жеребца. Собралось двенадцать конюхов; отпёрли двенадцать замков, отворили двенадцать дверей и вывели волшебного коня на двенадцати железных цепях. Катома-дядька дубовая шапка подошёл к нему; только успел сесть – волшебный конь от земли отделяется, выше лесу подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего.

□Катома крепко сидит, одной рукой за гриву держится, а другой вынимает из кармана чугунное полено и начинает этим поленом промежду ушей коня осаживать. Избил одно полено, взялся за другое, два избил, взялся за третье, три избил, пошло в ход четвёртое. И так донял он богатырского жеребца, что не

выдержал конь, возговорил человеческим голосом:

– Батюшка Катома! Отпусти хоть живого на белый свет. Что хочешь, то и приказывай: всё будет по-твоему!

– Слушай, собачье мясо! – отвечает ему Катома-дядька дубовая шапка. – Завтра поедет на тебе к венцу Иван-царевич. Смотри же: как выведут тебя конюхи на широкий двор да подойдёт к тебе царевич и наложит свою руку – ты стой смирно, ухом не пошевели; а как сядет он верхом – ты по самые щётки в землю подайся да иди под ним тяжёлым шагом, словно у тебя на спине непомерная тягота наложена.

Богатырский конь выслушал приказ и опустился еле жив на землю. Катома ухватил его за хвост и бросил возле конюшни:

– Эй, кучера и конюхи! Уберите в стойло это собачье мясо.

□Дождались другого дня; подошло время к венцу ехать, королевне коляску подали, а Ивану-царевичу богатырского жеребца подвели. Со всех сторон народ сбегался – видимо-невидимо! Вышли из палат белокаменных жених с невестой; королева села в коляску и дожидается: что-то будет с Иваном-царевичем? Волшебный конь разнесёт его кудри по ветру, размычет его кости по чисту полю. Подходит Иван-царевич к жеребцу, накладывает руку на спину, ногу в стремя – жеребец стоит словно вкопанный, ухом не шевельнёт! Сел царевич верхом – волшебный конь по щётки в землю ушёл; сняли с него двенадцать цепей – стал конь выступать ровным тяжёлым шагом, а с самого пот градом так и катится. «Экий богатырь! Экая сила непомерная!» – говорит народ, глядя на царевича. Перевенчали жениха с невестой; стали они выходить из церкви, взяли друг дружку за руки. Вздумалось королевне ещё раз попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку так сильно, что он не смог выдержать: кровь в лицо кинулась, глаза под лоб ушли. «Так ты этакий-то богатырь, – думает королева, – славно же твой дядька меня опутал... только даром вам это не пройдёт!»

□Живёт Анна Прекрасная королева с Иваном-царевичем как

подобаает жене с богоданным мужем, всячески его словами улещает, а сама одно мыслит: каким бы то способом извести Катому-дядьку дубовую шапку; с царевичем без дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всяких наговоров, Иван-царевич не поддавался на её речи, всё сожалел своего дядьку. Через год времени говорит он своей жене:

– Любезная моя супружница, прекрасная королевна! Желается мне ехать вместе с тобой в своё государство.

– Пожалуй, поедем; мне самой давно хочется увидеть твоё государство.

□Вот собрались и поехали; дядьку Катому за кучера посадили. Ехали-ехали; Иван-царевич заснул дорогою. Вдруг Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить:

– Послушай, царевич, ты всё спишь – ничего не слышишь! А твой дядька совсем меня не слушает, нарочно правит лошадей на кочки да рытвины – словно извести нас собирается; стала я ему добром говорить, а он надо мной насмехается. Жить не хочу, коли его не накажешь!

Иван-царевич крепко спросонок рассердился на своего дядьку и отдал его на всю волю королевнину: «Делай с ним, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить его ноги. Катом дался ей на поругание. «Пусть, – думает, – пострадаю; да и царевич узнает – каково горе мыкать!»

□Отрубили Катоме-дядьке обе ноги. Глянула королевна кругом и увидала: стоит в стороне высокий пенё; позвала слуг и приказала посадить его на этот пенё, а Ивана-царевича привязала на верёвке к коляске, повернула назад и поехала в своё королевство. Катом-дядька дубовая шапка на пне сидит, горькими слезами плачет.

– Прощай, – говорит, – Иван-царевич! Вспомнишь и меня.

А Иван-царевич вприпрыжку за коляскою бежит; сам знает, что

маху дал, да воротить нельзя. Приехала королевна Анна Прекрасная в своё государство и заставила Ивана-царевича коров пасти. Каждый день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королевна на балконе сидит и поверяет: все ли счётом коровы? Пересчитает и велит их царевичу в сарай загонять да последнюю корову под хвост целовать; эта корова так уж и знает – дойдёт до ворот, остановится и хвост подымет...

□Катома-дядька сидит на пне день, и другой, и третий не пивши, не евши; слезть никак не может, приходится помирать голодною смертию. Невдалеке от этого места был густой лес; в том лесу проживал слепой сильномогучий богатырь; только тем и кормился, что как услышит по духу, что мимо его какой зверь пробежал: заяц, лиса ли, медведь ли – сейчас за ним в погоню; поймает – и обед готов! Был богатырь на ногу скор, и ни одному зверю прыскучему не удавалось убежать от него. Вот и случилось так: проскользнула мимо лиса; богатырь услышал да вслед за нею; она добежала до того высокого пня и дала колено в сторону, а слепой богатырь поторопился да с разбегу как ударится лбом о пень – так с корнем его и выворотил.

□Катома свалился на землю и спрашивает:

– Ты кто таков?

– Я – слепой богатырь, живу в лесу тридцать лет, только тем и кормлюся, коли какого зверя поймаю да на костре жарю; а то б давно помер голодною смертию!

– Неужели ж ты отроду слепой?

– Нет, не отроду; а мне выколола глаза Анна Прекрасная королевна.

– Ну, брат, – говорит Катома-дядька дубовая шапка, – и я через неё без ног остался: обе отрубила проклятая!

Разговорились богатыри промеж собой и согласились вместе жить,

вместе хлеб добывать. Слепой говорит безногому:

– Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебе своими ногами, а ты мне своими глазами.

Взял он безногого и понёс на себе, а Катом сидит, по сторонам поглядывает да знай покрикивает: «Направо! Налево! Прямо!..»

□Жили они этак некоторое время в лесу и ловили себе на обед и зайцев, и лисиц, и медведей. Говорит раз безногий:

– Неужли ж нам весь век без людей прожить? Слышал я, что в таком-то городе живёт богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подаёт. Увезём-ка, брат, её! Пусть у нас за хозяйку живёт.

Слепой взял тележку, посадил в неё безногого и повёз в город, прямо к богатому купцу на двор; увидала их из окна купеческая дочь, тотчас вскочила и пошла оделять их милостынею. Подошла к безногому:

– Прими, убоженький, Христа ради!

Стал он принимать подаяние, ухватил её за руки да в тележку, закричал на слепого – тот побежал так скоро, что на лошадях не поймать! Купец послал погоню – нет, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь в свою лесную избушку и говорят ей:

– Будь нам вместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай; а то нам, увечным, некому обеда сварить, рубашек помыть. Бог тебя за это не оставит!

Осталась с ними купеческая дочь; богатыри её почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дело на охоте, а названная сестра завсегда дома: всем хозяйством заправляет, обед готовит, бельё моет.

□Вот и повадилась к ним в избушку ходить баба-яга костяная нога и сосать у красной девицы, купеческой дочери, белые

груди. Только богатыри на охоту уйдут, а баба-яга тут как тут! Долго ли, коротко ли – спала с лица красная девица, похудела-захирела; слепой ничего не видит, а Катома-дядька дубовая шапка замечает, что дело неладно; сказал про то слепому, и пристали они вдвоём к своей названной сестрице, начали допрашивать, а баба-яга ей накрепко запретила признаваться. Долго боялась она поверить им своё горе, долго крепилась, да, наконец, братья её уговорили, и она все дочиста рассказала: «Всякий раз, как уйдёте вы на охоту, тотчас является в избушку древняя старуха – лицо злущее, волоса длинные, седые – и заставляет меня в голове ей искать, а сама сосёт мои груди белые».

– А, – говорит слепой, – это – баба-яга; погоди же, надо с ней по-своему разделаться! Завтра мы не пойдём на охоту, а постараемся залучить её да поймать...

□ Утром на другой день богатыри не идут на охоту.

– Ну, дядя безногий, – говорит слепой, – полезай ты под лавку, смирененько сиди, а я пойду на двор – под окном стану. А ты, сестрица, как придёт баба-яга, садись вот здесь, у этого окна, в голове-то у ней ищи да потихоньку пряди волос отделяй да за оконницу на двор пропускай; я её за седые-то космы и сграбастаю!

Сказано – сделано. Ухватил слепой бабу-ягу за седые космы и кричит:

– Эй, дядя Катома! Вылезай-ка из-под лавки да придержи ехидную бабу, пока я в избу войду.

Баба-яга услышала беду, хочет вскочить, голову приподнять – куда тебе, нет совсем ходу! Рвалась-рвалась – ничего не пособляет! А тут вылез из-под лавки дядя Катома, навалился на неё словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо с овчинку ей показалось! Вскочил в избушку слепой, говорит безногому:

– Надо нам теперь развести большой костёр, сжечь её, проклятую, на огне, а пепел по ветру пустить!

Возмолилась баба-яга:

– Батюшки, голубчики! Простите... что угодно, всё вам сделаю!

– Хорошо, старая ведьма! – сказали богатыри. – Покажи-ка нам колодезь с целующей и живущей водою.

– Только не бейте, сейчас покажу!

□Вот Катом-дядька дубовая шапка сел на слепого; слепой взял бабу-ягу за косы; баба-яга повела их в лесную трущобу, привела к колодезю и говорит:

– Это и есть целующая и живущая вода!

– Смотри, дядя Катом, – вымолвил слепой, – не давай маху; коли она теперь обманет – ввек не поправимся!

Катом-дядька дубовая шапка сломил с дерева зелёную ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнём вспыхнула!

– Э, да ты ещё на обман пошла!

Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотят кинуть её, проклятую, в огненный колодезь. Пуще прежнего возмолилась баба-яга, даёт клятву великую, что теперь не станет хитрить: «Право-слово, доведу до хорошей воды».

□Согласились богатыри попытать ещё раз, и привела их баба-яга к другому колодезю. Дядька Катом отломил от дерева сухой сучок и бросил в колодезь: не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвёл.

– Ну, это вода хорошая! – сказал Катом.

Слепой помочил ею свои глаза – и вмиг прозрел; опустил безногого в воду – и выросли у него ноги. Оба обрадовались и

говорят меж собой:

– Вот когда мы поправимся! Всё своё воротим, только наперёд надо с бабой-ягой порешить; коли нам её теперь простить, так самим добра не видать – она всю жизнь будет зло мыслить!

Воротились они к огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: так она и сгинула!

□После того Катома-дядька дубовая шапка женился на купеческой дочери, и все трое отправились они в королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить к столичному городу, смотрят: Иван-царевич гонит стадо коров.

– Стой, пастух! – говорит Катома-дядька. – Куда ты этих коров гонишь?

Отвечает ему царевич:

– На королевский двор гоню; королева всякий раз сама поверяет, все ли коровы.

– Ну-ка, пастух, на´тебе мою одёжу, надевай на себя, а я твою надену и коров погоню.

– Нет, брат, этого нельзя сделать; коли королева уведает – беда мне будет!

– Не бойся, ничего не будет! В том тебе порука Катома-дядька дубовая шапка!

Иван-царевич вздохнул и говорит:

– Эх, добрый человек! Если бы жив был Катома-дядька, я бы не пас в поле этих коров.

□Тут Катома-дядька дубовая шапка сознался ему, кто он таков есть; Иван-царевич обнял его крепко и залился слезами:

– Не чаял и видеть тебя!

Поменялись они своими одежами; погнал дядька коров на королевский двор. Анна Прекрасная вышла на балкон, поверила, все ли коровы счётом, и приказала загонять их в сарай. Вот все коровы в сарай вошли, только последняя у ворот остановилась и хвост оттопырила. Катома подскочил:

– Ты чего, собачье мясо, дожидаясь? – схватил её за хвост, дёрнул, так и стащил шкуру!

Королевна увидела и кричит громким голосом:

– Что это мерзавец пастух делает? Взять его и привести ко мне!

Тут слуги подхватили Ктому и потащили во дворец; он идёт – не отговаривается, на себя надеется. Привели его к королевне; она взглянула и спрашивает:

– Ты кто таков? Откуда явился?

– А я тот самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовут меня Катома-дядька дубовая шапка!

– Ну, – думает королевна, – когда он ноги свои воротил, то с ним мудрить больше нечего! – и стала у него и у царевича просить прощения; покаялась во своих грехах и дала клятву вечно Ивана-царевича любить и во всём слушаться.

Иван-царевич её простил и начал жить с нею в тишине и согласии; при них остался слепой богатырь, а Катома-дядька уехал с своею женою к богатому купцу и поселился в его доме.

☐ ☐ ☐ ☐ ☐ (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

☐ Загрузка...